ася володина

ася
володина

часть картины

роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ
Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Художественное оформление
Елизаветы Корсаковой

В оформлении переплета использован фрагмент картины Джорджоне «Юдифь». Италия. 1504 г. Холст, масло.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2026.
Фотограф В.С. Теребенин.

Володина, Ася.
В68 Часть картины : роман / Ася Володина. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 378, [6] с. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-183120-2

Ася Володина — прозаик, автор романов «Протагонист», «Часть картины», «Цикады», лауреат премии МХТ и Московской Арт Премии.

Героиня романа «Часть картины» Софья Львовна — средняя учительница в средней школе. Ее голос тих, а влияние незаметно. Но что, если пешка сделает ход не по правилам? Как быстро она станет мешать другим фигурам: учителям, ученикам, администрации, родителям? И как не перейти границы поля? Власть и подчинение, романтика и этика, конформизм и бунт — все начинается со школы, в которой учатся не только дети.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володина А.В.
© ООО «Издательство АСТ».
© ООО «Строки».

ISBN 978-5-17-183120-2

Если только вы согласитесь со мной, что действительно первым толчком, который побудил Перовскую идти по этому скользкому пути, была административная ссылка и что благодаря этой ссылке и той интенсивности идей, замкнутых в среде небольшого кружка, которая мешала строгой их критике, подсудимая дошла до настоящего положения, то в этих обстоятельствах вы должны усмотреть данные, которые до известной степени объясняют судьбу Перовской. Вследствие сего я ходатайствую перед Особым присутствием Правительствующего Сената о возможно более снисходительном отношении к участи подсудимой.

Присяжный поверенный Кедрин.
Выступления защиты в процессе
по «Делу 1 марта», 1881 год

Мне крышка, мой друг

Открывает глаза. Темные волосы, запорошенные ранним снегом, кажутся совсем седыми. Кажутся ли? Кто знает, что еще произошло за эту ночь?

Правый кулак сжимается и разжимается, а губы шевелятся, повторяя одно и то же:

Это всё я.

Потряхивает: нельзя так долго сидеть на холодном! Она пытается об этом не думать, но мысли продираются даже под наушники, в которых ревет музыка, перекрывая отдаленную истерику сирен.

Непослушно-озябшими руками вытаскивает из кармана пальто телефон, с третьей попытки вбивает верный пароль и ищет так нужный сейчас номер. Слишком распространенное имя не упроща-

ет задачу. Она ищет пометку «Ф» — то единственное, что отличает его от других, то единственное, что может ее спасти.

Кулак сжимается и разжимается: *держись, держись, держись.*

— Вы сказали, можно позвонить вам, если случится что-то.

Да.

Случилось.

— Вы не могли бы приехать за мной?

Спустя полтора часа она уже сидит в хорошо знакомом кабинете. Дешевые чиновничьи обои под покраску, старая мебель, запах пыли и человеческого пота. Все это успокаивает, напоминая о беззаботных годах в студенческом общежитии, когда дом, пусть временный, состоял из этого антуража.

Ежится. Окна наглухо забиты, но из них дует, а одежда так и не высохла. До одури хочется выпить горячего чаю, но ее провожатый молча вышел минут сорок назад и до сих пор не вернулся. Может, прошло только пять минут? Может, несколько часов? Ее внутренний таймер, из года в год отмеряющий урок, засбоил. На улице темень, а телефон он забрал. Выглядел взволнованным и, очевидно, понятия не имел, что с ней делать. Может, он решил закрыть ее в этом кабинете от греха подальше? «Если я проигнорирую, вдруг оно исчезнет само», так? Но она не исчез-

нет, пусть и не надеется. Слишком многое на кону.

Может, так ее проверяют? Кто же это писал? Довлатов? Где-то же она читала, что это их излюбленный метод: оставлять человека наедине со своими мыслями, пока эти самые мысли не обретут четкий ореол покаяния. А уж дожать себя способен каждый: спусковой крючок всегда внутри, а не снаружи. Ей ли не знать.

Меня посадят
Тебя посадят

Щелкает замок, неуклюжая тень протискивается за стол. Вот они оба здесь. Снова.

Мужчина, которому с равным успехом могло оказаться и двадцать пять, и сорок. Она видела его несколько раз и все же едва ли смогла бы опознать за пределами этого кабинета, лишенного малейшего намека на личность его обитателя. Как будто так и задумано, как будто люди его профессии хамелеонами сливаются с обоями своих кабинетов, ведомств и государств, перенимая нужный окрас не только внешне, но и внутренне: белея, краснея, зеленея от случая к случаю, они меняют не только облик, но и свой образ, образ мыслей и чувствований.

Обои и люди под покраску. Недорого.

Вырывается смешок.

Он смотрит на нее с опасливой жалостью.

— Как вы себя чувствуете?

— Одежда промокла. Мне холодно. Если у вас есть обогреватель и чай, стало бы гораздо лучше. Я же здесь надолго, не так ли?

Он морщится, и она понимает. Она говорит своим обычным авторитетно-приветливым тоном, в котором прячется «да, ребята?». Дурацкая учительская привычка, типичная профдеформация, облекшаяся в форму воображаемых «ребят», успешно существовавших в отрыве от реальных школьников, — эти «ребята» покорно выслушивали каждый ее муторный, нестерпимо нравоучительный монолог, которым подавился бы любой составитель сочинений ЕГЭ о добром и вечном, которым захлебнулся бы Лихачев, монологом, от которого ребят настоящих бы замутило, как замутило бы ее саму двадцатилетнюю от себя же тридцатилетней, не извернись за это время ее сознание в изобретении вечно благодарных слушателей.

Он обещает организовать обогрев и вновь исчезает, так и не ответив на вопрос, пусть даже вопрос был риторическим, как и положено клише из сочинения ЕГЭ *(объем не менее 150 слов, работа без опоры на прочитанный текст не оценивается, пишите аккуратно, разборчивым почерком)*. Эти клише въелись в ее суть, она говорила и думала клише из школьных сочинений, пока сама не превратилась в ходячее клише, и то, что словосочетание «ходячее клише» было еще одним клише в ее голове, только-только укрепляло ее в этой мысли.

Что ж, теперь она клише не ходячее, а сидячее под замком и камерами, поглядывающими на нее из углов кабинета. Девица в беде, хотя для девицы она перезрела. Но и старой деве в беде нужен спаситель. Хорошо бы и он понимал, как работают клише.

Тогда же сработало? Или это была лишь игра в поддавки?

В первый раз она провела здесь не меньше суток — без еды, воды, сна и малейших поблажек, которых тогда уж точно заслуживала. Сейчас по первому слову он побежал ей за чаем и обогревателем. Выходит, чем больше вина, тем меньше ответственность? Может, ее и вовсе доставят домой и принесут извинения за беспокойство?

(Опять риторические вопросы, автору сочинения явно не хватает знаков до заветных 150, а высший балл иначе не получить, но надо помнить, что при подсчете слов учитываются как самостоятельные, так и служебные части речи: «все-таки» — одно слово, «все же» — два, «15 лет» — одно слово, «пятнадцать лет» — два слова.)

Если ей все-таки дадут пятнадцать лет, какая разница, сколько слов там будет?

Тогда ей грозили пожизненным, впрочем.

В тот раз ее привезли сюда и бросили. Не подпустили врача. Не позволили умыться. Ее трясло

и тошнило. Кровь отвратительно-приторно пахла, руки слипались, в горле копошился ком. Она боялась, что ее вырвет, но в то же время хотела этого, наплевав на стыд, — это позволило бы хоть на минуту покинуть враждебный кабинет, вдохнуть другой, чуть менее спертый воздух, избавиться от повторяющихся по кругу вопросов, на которые она только и могла отвечать «не знаю» и «нет». Когда же нисколько не риторические вопросы пыталась задавать она, раздавалось неизменное: «Не усугубляйте свое положение». Сначала эти вопросы казались простыми, но с каждой ответной репликой лица серых теней все больше затвердевали, теряя всякое жизнеподобие.

ФИО, место рождения, ах вот как, а давно уехали, а где учились, а по национальности-то все-таки больше кто, а вы верующая, а чего умолкли?

Только тогда она поняла.

— Я агностик.

— Но в детстве вас, вероятно, крестили.

— Обратили, — не смогла удержаться, поправила. «Ребята» покачали головой: не сейчас. — Точно так, как поступают и с христианами, — не спросив моего на то разрешения. — Она соглашалась осторожно, предчувствуя ловушку.

— Выходит, в вашей семье исповедовали ислам.

— Сложно представить брак ортодоксальной мусульманки и христианина, не правда ли?

Эти ребята, в отличие от вымышленных, на ее риторический вопрос не откликнулись.

— Атеисты, но с обрядами?

— Дедушка настоял. Мама не хотела его расстраивать. Для отца это ничего не значило, а дедушке было спокойнее. Он просто хотел обряда. Как оберега. Заботился о моей бессмертной душе, — она нервно усмехнулась.

Стоп-тема, казалось бы, но они продолжали гнуть свою линию.

— Учились вы в мусульманской школе.

Сначала их мектеб располагался в здании бывшего детсада, которое смогли выбить активисты; в числе них была и ее мать. Дети не помещались в классы, учились в три смены, пока родители, обозлившись, не засобирались на митинг. Тогда администрация, разволновавшись, пообещала выделить землю под новое здание. Рабочих так и не выдали, строили сами местные, зато помогала турецкая диаспора. За лето, что болталась на стройке, она выучила больше турецких слов, чем в школе.

— Только до старших классов, потом перевелась в обычную школу. Меня отправили туда из-за языка. Дедушка почти не знал русского. Понимал, но не говорил.

— Не говорил? Удивительно. А вы в курсе, что вашу первую школу закрыли за незаконную деятельность?

— Слышала что-то.

— Связи с иностранными организациями с крайне сомнительной благонадежностью. Прогремело хорошо так, уверены, что ничего про это не знаете?..

— Понятия не имею, что именно там происходило. За это время весь состав мог смениться — и учителя, и администрация…

— Директор, — он назвал знакомое имя, — сидел лет двадцать. С одноклассниками связи поддерживаете?

— Нет. Я не живу там пятнадцать лет.

Как часто надо повторять, чтобы они услышали?

— Но бываете регулярно.

Говорил только один из них — мужчина неопределенного возраста с бесцветными рыбьими глазами. Говорил, упорно понижая интонацию в конце, оттого каждый вопрос звучал как непреложное утверждение.

— Летом, — с силой выдавила она. Тошнота все усиливалась.

— И ни с кем не общаетесь?

— Общаюсь. С соседями, продавщицей, таксистами. Это считается?

— С таксистами, значит…

— Сервисы такси там не заработали. На болтливого водителя так просто не нажалуешься.

— И не скучно все лето без друзей?

— Все не-лето я шесть дней в неделю по несколько часов говорю на работе. Меня мутит от

собственного голоса, понимаете? Я устаю от людей. Я вообще людей не люблю.

— Не любите людей, значит?

Пришлось вдавить ногти в ноющую ладонь, чтобы не выдать страх, тот самый животный страх слабого перед сильным.

— Я интроверт. И мизантроп. Это статья?

— Не дерзите. И что, всё только на наши курорты ездите? Ни в Турцию там или Египет не выбирались? В Стамбул, может быть? Популярное направление, а какие исторические связи с вашей малой родиной…

Вот и оно. Все равно узнают.

— Нет. Однажды я купила билеты на паром, но все сорвалось, потому что отменили рейсы. Деньги, кстати, не вернули.

Хорошая деталь. Правильная.

— Почему же отменили?

— Потому что… — *Потому что ехать оказалось некому*, промелькнуло в голове, но она отмахнулась: не время. — Потому что как раз в это время произошло присоединение.

— Воссоединение, вы хотели сказать. То есть вы собирались уехать из страны накануне?

Здесь уже очень осторожно.